

АРХИМАНДРИТ

Савва Мажуко

Приближается Христос

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПИСЬМА

архимандрит Савва (Мажуко) Приближается Христос. Рождественские письма

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66705868

Приближается Христос. Рождественские письма: Никея; Москва; 2021

ISBN 978-5-907457-20-1

Аннотация

Новая книга архимандрита Саввы (Мажуко) – это сборник писем, написанных к читателю Рождественским постом. Самое темное время года, и снова ограничения, мучения и традиционные вопрошания: «чего нельзя православным»? А ведь постовая формула, как пишет отец Савва, проста: «пост = сдержанность + скромность», главное духовное упражнение этих недель – созерцание приближающегося к тебе Христа. Недаром задолго до Рождества в храме начинают петь: «Христос с небес – встречайте!»

Содержание

Иисус Назорей идет! Вместо предисловия	5
Как выжить в ноябре. И стоит ли?	10
Формула поста	16
Сокровенный Христос	21
Назад к Иисусу!	25
Похороны Евангелия	30
Праздник Введения: эхо грядущего Рождества	36
Разговор о Боге: без воды и еля	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

архимандрит
Савва (Мажуко
Приближается Христос.
Рождественские письма

© ООО ТД «Никея», 2021

© Савва (Мажуко), архим., 2021

Иисус Назорей идет!

Вместо предисловия

Дело было на дороге в Иерихон. В придорожной пыли сидел человек. Сколько сидел – кто скажет? Не знатен, не богат, не знаменит. Но его запомнили уже хотя бы потому, что он был сов ременником Христа, жил с Ним в одной стране, говорил на одном языке, правда, ни разу Его не видел и никогда не слышал Его речей и наставлений. Он был нищим слепцом и дни свои проводил у большой дороги, прося милостыню и догадываясь по шуму улицы, чем занят зрячий народ.

Иисус шел из Иерихона в Иерусалим. Это был трудный путь, и Учитель признался апостолам, почему так трудно идти:

*мы восходим в Иерусалим,
и совершится все, написанное через пророков о Сыне
Человеческом.*

*Ибо предадут Его язычникам,
и поругаются над Ним,
и оскорбят Его,*

и оплюют Его,

и будут бить, и убьют Его:

и в третий день воскреснет (Лк. 18: 31–33).

Но ученики тогда ничего не поняли, ведь Господь часто говорил притчами, а может быть, их просто смутило слово «восходим» – ἀναβαίνομεν – вот тут Учитель точно заметил! Приходится воистину карабкаться, взбираться, совершать восхождение, «анабасис», потому что Иерихон лежит ниже Иерусалима, и чтобы добраться до Святого города, надо набраться терпения и идти в гору.

Куда легче давался путь от Иерусалима в Иерихон – спустаться вниз всегда проще. Если бы нашелся какой-нибудь невозможно круглый человек, вот кому бы путешествовать: пустился из иерусалимских ворот и не заметил, как сам собой докатился до стен Иерихона.

Иерусалим – наверху, Иерихон – внизу. Само положение городов словно воплощенная притча: горный град с храмом Божиим, до которого трудно добраться, и влекущий долу город человеческой суеты и неумолкающего шума, к которому так легко скатиться.

И сидел слепец при пути, словно тоже докатился до такой пыльной и незрячей жизни. Он никогда не видел Христа, не слышал Его голоса. Но люди не умолкая говорили о Нем как о чудотворце и Учителе Истины.

Вот почему весь сон придорожного зноя и дремота однообразной жизни слетели с него, когда он услышал одну только фразу:

Иисус Назорей идет!

Кто сказал? Можно ли верить? Не видя Христа, не зная Его Пречистого Лица, ни разу не слышав Его голоса, нищий калека кричал в пустоту и непроглядную темень:

Иисус, Сын Давидов, помилуй меня!

И не было ему ответа.

Какой ответ, если кругом тьма и пустота? Разве за столько лет нельзя было убедиться, что ТАМ НИКОГО НЕТ... Есть бессмысленный шум и грубые голоса, которые требуют немедленно замолчать и успокоиться, вести себя прилично и не пугать порядочных людей.

Но слепой кричал изо всех сил:

Сын Давидов! Помилуй меня!

И Христос его услышал. Среди шума древнего города только один человек звал Его по-настоящему. Иисус остановился, велел привести крикуна, и первое, что слепец услышал от Бога, был вопрос:

– Чего ты хочешь от Меня?

– Господи! чтобы мне прозреть.

– Прозри! вера твоя спасла тебя.

Все так просто? Евангелист Лука утверждает, что слепой стал зрячим и пошел за Иисусом, славя Бога. То есть он отправился вслед за Христом из Иерихона в Иерусалим, из низины, из самой ямы мира, пошел вверх по стопам Учителя.

Мне кажется, апостолы не ошиблись, заподозрив, что вся эта история с путешествием в град Давидов и исцелением незрячего была живой и глубокой притчей о встрече чело-

века с Богом, о подлинном прозрении и о трудном пути в Небесное Отечество.

О Христе и Евангелии написано немало книг. Еще больше написано о духовной жизни и о тонких вопросах аскетики. И это хорошо, это правильно. Всему миру не вместить всех книг об Иисусе и восхождении в Горний Иерусалим, потому что, на самом деле, биография христианина – это книга с неповторимым и драматичным сюжетом о пути в Иерихон и обратно – дорога одна, но миллионы рассказов.

Для церковного человека евангельская история оживает каждый год, когда он умом и сердцем проходит путь Христа от Вифлеема до Голгофы, от пещеры Воскресения до Вознесения и Троицы, путь, намеченный духовными упражнениями Рождественского и Великого постов. И это одна история. Потому что путь на Голгофу начался в вифлеемской пещере, и звезда Рождества озаряла ночь Погребения, отражаясь в слезах мироносиц.

Ты можешь и не идти этим путем, а просто сидеть у дороги и день за днем, год за годом слышать удивительные и неправдоподобные истории о Спасителе, играя в скептика или реалиста и где-то на последней глубине втайне от всех храня надежду на встречу с Господом, Которому очень важно узнать, чего же ты хочешь на самом деле.

Меня всегда трогали слова предрождественской стихиры:
Приближается Христос!

Это звучит не менее волнительно, чем фраза, которую

услышал слепец на иерихонской дороге:

Иисус Назорей идет!

Как же не разволноваться от этих слов? Как не закричать во весь голос навстречу Учителю? Как не пойти за Ним след в след? Хотя бы мыслью, хотя бы пением и молитвой?

Как выжить в ноябре. И стоит ли?

Рождественский пост начинается в конце ноября, а это не самое лучшее время для ликования. Небо свинцовое, солнце проглотил крокодил, лица серые, и категорически хочется спать. То есть так тянет в дрему, что активным товарищам не помогают даже утренние пробежки – ноябрьский *вялопробег!*

У населения массово диагностируют пандит. Это когда человек потихонечку превращается в панду: темные круги под глазами, жалобный взгляд и миролюбивый аппетит круглые сутки.

Верный признак этой хвори, когда вы просыпаетесь обиженным. Сидишь в любимой кровати, укутавшись в одеяло, а кругом темень, и так ясно чувствуешь, что кто-то тебя так безвозвратно обидел, что оставить бедную подушечку одну на целый день – преступление перед вселенной!

А очи! А очи закрываются сами собой без посторонней помощи, так что энтузиасты предлагают переименовать ноябрь в месяц «очень», а каждую «панду» окружить теплом и заботой.

И эти приключения как раз в канун большого дела, которое требует и сил, и внимания, и способности с пользой вынести всю духовную насыщенность этих святых дней. Что бы мы ни говорили, Рождественский пост – это действительно

значительное событие церковной жизни, богословски интенсивные дни и недели.

– И как взбодриться? Где найти силы в этом беспробудном море?

– Исследуйте Писание! Как святые справлялись с депрессией?

– У праведников бывает депрессия?

– Почему бы и нет? «Все лучшее – детям!»

Вот пророк Илия, пламенный ревнитель славы Божией, однажды изнемог и сдался. Это был великий человек, но всего лишь человек, а у всего живого есть предел и сил, и ревности. Не только у взрослых, у детей бывают такие минуты, когда кажется, что все было напрасно, не стоило этих усилий и суеты, зачем вообще было биться и жить?

Святого Илию накрыло отчаяние такой силы, что он – кто бы мог подумать! – испугался угроз вредной царицы Иезавели и скрылся в пустыню, путая следы.

Эта история деликатно и лаконично описана в Третьей книге Царств. Мало слов, но картина сама встает перед глазами: бесконечно уставший от борьбы старик сидит среди угрюмых песков под можжевельным кустом и призывает свою смерть, молясь словами, которые в любом другом случае приняли бы за кощунство и малодушие:

«Довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих».

А потом он просто заснул прямо под кустом можжевель-

ника.

Сколько привыкли спать пророки, Писание не сообщает, хотя, возможно, именно здесь кроется самый страшный секрет святости. Спал бы святой Илья и дальше, если бы не ангелы. Простым людям мешает спать детвора, святым – бесплотные духи.

Жаль, конечно, что Библия не говорит, как именно ангел будил пророка и долго ли он просыпался, это тоже тайна духовной жизни. Сказано просто:

«Ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь (и пей)».

Рассказ очень сдержанный:

«И взглянул Илия, и вот, у изголовья его печеная лепешка и кувшин воды. Он поел, и напился, и опять заснул».

– Такое чувство, что он на ангела даже и не взглянул! Как это похоже на людей в депрессии!

– Вот именно: ни слова, ни взгляда! Просто поел, напился и снова спать!

Но именно так ангел лечил депрессию пророка! Заботливо накормил, не отягощая разговором, не требуя внимания или ответной улыбки, и дал человеку хорошенько выспаться.

Но это еще не конец истории.

«И возвратился Ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь (и пей); ибо дальняя дорога пред тобою. И встал он, поел и напился, и, подкрепившись тою пищею, шел сорок дней и сорок ночей до горы Божией Хорива» (3 Цар. 19: 8).

Дважды выпался пророк, дважды подкрепил себя ангельской пищей. И все это для того, чтобы приступить к большому делу, которое ожидало его впереди, – созерцание великих откровений Божиих.

Рождественский пост – это путь паломника, он требует и сил, и бодрости. Обычно мы сразу говорим о смысле этих постных дней, о том, на что следует обратить внимание, какие взять на себя обязательства, но жизнь показывает, что в некоторых случаях полезнее всего сделать шаг назад и позволить себе «ангельскую терапию», разрешить себе отдохнуть, набраться сил перед долгим путем.

Для людей крепких и духовно полнокровных это будет излишним, но немощи накрывают даже великих пророков, напоминая им не только о пределе своих сил, но и о снисхождении к слабым и изможденным.

В Писании есть удивительно точный образ, описывающий человека, уставшего от жизни, достигшего самого предела утомления. Древность не знала слова «депрессия», говорили просто: «отвернулся к стене». Капризный царь Ахав обиделся на Навуфея из-за виноградника:

«И пришел Ахав домой встревоженный и огорченный... лег на постель свою, и отворотил лице свое, и хлеба не ел» (3 Цар. 21: 4).

Царь Езекия, узнав, что ему поставлен смертельный диагноз, тоже «отворотился лицом своим к стене и молился Богу» (4 Цар. 20: 2).

Желание «отвернуться к стенке» наступает не только грешников, но и святых. Усталость – это наш человеческий удел, она не смотрит на добродетели и пороки, а потому даже праведники нуждаются в сочувствии и отдыхе.

Странно об этом говорить и писать, но, приступая к делу постного созерцания, может быть, – не всем, но многим – следует начать с трезвой и честной ревизии своих сил, и если вы уже в начале этого пути чувствуете себя изможденным и мечтаете «отвернуться к стенке», не следует ли прибегнуть к «ангельской терапии», чтобы потом хватило сил для самого главного?

А если вам не нужна терапия ангелов, сами станьте ангелом для пророка.

Пусть вашим самым первым духовным упражнением в этом посту станет не ограничение в пище, а снисходительная забота и всепрощающая отзывчивость к тем, кому по-настоящему плохо, кто просто клонится без сил. Даже очень хорошие люди временами нуждаются в ободрении к жизни, в сердечной поддержке и участии. Не это ли самый первый рождественский дар Христу? Ведь добрым словом и улыбкой можно ободрить и поднять не только человека, но и... лошадь.

Владимир Маяковский имел суровый вид, скрывавший бесконечно хрупкое и нежное сердце. У него есть известное стихотворение о лошади, которая упала посреди улицы прямо на глазах равнодушных прохожих. Но поэт не прошел ми-

мо. Он почувствовал бесконечную тоску в глазах этой замороженной твари, и так трогательно читать, как он умоляет лошадку подняться, как он делится с ней уверенностью, что жизнь стоит того, чтобы быть прожитой. А потому в трудные минуты, когда я и сам подумываю «отвернуться к стенке» и даже теряю смысл в том, чтобы кого-то ободрить в этой серой и постылой жизни, просто перечитываю эти живительные строки русского поэта, неуязвимые в своей священной правоте:

Лошадь
рванулась,
встала на́ ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило!

Формула поста

Некоторые средневековые трактаты часто заканчиваются фразой «об этом довольно», то есть: «хватит уже об этом, достаточно», и мне бы тоже хотелось однажды написать такой текст про постное время, который бы заканчивался этими ободряющими словами.

Не получается. Потому что с началом поста я слышу привычные вопросы:

по каким дням разрешается рыба?

а можно ли сегодня с маслом?

благословите, отче, кушать с молоком – у меня язва?

И прочая, и прочая, и прочая.

Но я снова и снова отвечаю на эти недоумения, и не перестану, потому что мне жалко людей, потому что тема поста погружает многих если не в болото лицемерия, то в вечное чувство вины и виноватости. Ведь ты не можешь соблюдать, как положено, даже если приложишь все возможные усилия, значит – грешник, несовершенный и сластолюбец! И живет церковный человек годами в глухой православной депрессии, разъедаемый ненасытным чувством вины.

А все-таки, как положено? Кем положено? Кому положено? Как поститься, чтобы не согрешить, чтобы Бога не обидеть и святых Его?

Предрождественский пост в древности длился один

день – это был канун Богоявления. Дело в том, что когда-то два наших чудесных праздника – Рождество и Крещение – приходились на один день, и однодневный пост был обращен именно на событие Богоявления как особая жертва духовной сосредоточенности, время, отделенное специально для осмысления этого величайшего события. Вот из этого зерна, из однодневного усилия позже и вырос наш сорокадневный пост.

Однако его продолжительность и устав трапезы никогда не имел значения всеобщего или абсолютного правила для всех. Общего устава для мирян никогда не существовало, а монастыри руководствовались каждый собственным уставом и волей игумена, так что один из византийских богословов XV века Георгий Протосингел, описывая традицию Рождественского поста, принятую в его время, писал, что в столице постятся сорок дней, в других регионах начинают говеть с 1 декабря, в третьих – с 6-го, а где-то и с 20-го – и все это совершенно нормально уживалось внутри одной традиции, никому и в голову не приходило обвинять другого в ереси или модернистских тенденциях.

Немного ранее, в XII веке, известный канонист Федор Вальсамон сообщал, что в Константинополе постятся сорок дней предрождественского поста, но не все, а только монахи, однако большинство предпочитает только четыре дня поста перед праздником, что Вальсамон осуждает, настаивая на самом разумном: воздерживаться семь дней перед Рож-

деством.

Святитель Иоанн Златоуст в «Слове шестом против аномеев. О блаженном Филогонии» призывает своих слушателей соблюдать пост – пять дней воздержания перед праздником Рождества, подчеркивая, что не количество дней важно, а расположение души.

– Откуда же у нас в календарях эти предписания: сухоядение, без масла, разрешение на рыбу?

– Они взяты из Типикона – общего устава, регламентирующего жизнь типового мужского монастыря, то есть *это правила для монахов*, потому что поститься сорок дней перед Рождеством было обычной монашеской практикой, не мирянской, и если бы в нашем церковном обществе вдруг обнаружилось достаточно канонической воли, чтобы объяснить людям, что все эти правила не для вас, а для монахов, причем не всех, а только тех монастырей, где это принято, – сколько людей вздохнули бы с облегчением и смогли провести этот пост спокойно, без вечного чувства вины и ханжеской двусмысленности. К тому же если бы мы решились возродить древнюю традицию пощения для мирян – пять дней перед Рождеством, – решился бы и вопрос с «новогодним неврозом», когда наши несчастные постники еще больше изводят себя чувством вины из-за невозможности законно пережить красивый семейный праздник.

Ведь дело вовсе не в пище. Если вам хватит усердия в изучении памятников церковной письменности, вы обнару-

жите такую пестроту практик поста и воздержания, что просто закружится голова. Как же правильно: так, как постились святые Студитского монастыря, или ирландские аскеты, или православные сирийские подвижники, которые вообще не знали привычных нам форм говения?

На самом деле формула у поста довольно простая, даже ребенок запомнит:

пост = сдержанность + скромность.

Пост – это два «эс»: сдержанность и скромность – вот и все.

Постная пища – *скромная* пища. И наоборот, скромно – это когда нескромно. Поэтому обед, который вам обошелся дороже и хлопотнее обычного, – непостный.

Если вы по случаю поста отобедали убитыми горем лобстерами и модным японским супом с черной лапшой, заплатив за одобренное Типиконом удовольствие втрое больше обычного, вы оскоромились, вы нарушили пост.

Если вы позавтракали обычной овсяной кашей на молоке – вы правильно поститесь, потому что пост нарушает не многострадальное молоко или пролетарские пельмени, а роскошь и несдержанность, которая может себя проявить и с самыми невинными продуктами.

– А как определить: что скромно, а что нет?

– Это уже мера вашей воспитанности. Людям проще, когда за них кто-то все решил, но христианская аскеза – это разновидность творческого усилия, а значит, личного, сво-

бодного поиска и напряжения. Если нет всеобщего устава, – да и не может быть! – вам самому надо найти свою меру поста, а для этого надо познакомиться с собой, своим телом, желаниями и эмоциями, а это большой многолетний труд.

Конечно, не только верующий, но и всякий воспитанный человек должен быть сдержанным и скромным каждый день своей жизни, но постное время должно быть временем простоты, чтобы человек мог освободить свое внимание для самого главного, ради чего, собственно, все это и затевается, – ради созерцания Христа, ради богомыслия.

Пусть вас не пугают эти высокие и благородные слова.

– Где я, а где богомыслие! Кто я такой, чтобы созерцать Христа!

– Ты – дитя Божие, и Господь пришел сюда ради тебя! Помнишь – «нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес»!

Самое главное, что мы должны помнить о Рождественском посте: это время, когда следует забыть все наши обычные распри и церковные склоки, разговоры о юрисдикциях, скандалах, пикантных новостях, дискуссии о юбках и количестве маргарина в печенье, – вся эта «скоромная пища», мутная пена религиозной суеты и пошлости должна уйти, освободить место для Христа, для созерцания Его светлого Лица.

Только Христос! – вот формула Рождественского поста.

Сокровенный Христос

Если Рождественский пост не пища и питье, а созерцание Христа, то – как же это трудно! Порой мне кажется, что именно здесь лежит настоящая причина нашей религиозной суеты, с бесконечными записками, правилами, церковными сплетнями и торжествами. Религия – лучший способ спрятаться от Христа.

Школьником я впервые оказался в Третьяковской галерее. Это был второй год моего воцерковления, и я с жадным восторгом ходил по залам иконописи. Там и правда есть на что посмотреть – образа почтенной древности и подлинного мастерства. Это было много лет назад, но из всех изображений ясно и отчетливо помню только один образ, который буквально вошел в душу, – Спас из Звенигорода.

Для меня вовсе не важно, что это Андрей Рублев и XV век. Кажется, тогда я даже не обратил на это внимания. Огромная доска с утраченными красками – даже левкас сошел, – и небольшой островок Лица. Ни благословляющих рук, ни Евангелия, ни нимба нет на этой иконе, надписание Священного Имени утратилось, и только Лицо Спасителя, Его Пречистые Очи!

У подростков нет привычки подолгу стоять перед картинами в музее. Но я остановился и не торопился уходить, стоял, а потом и сидел, и это было тем более странно, что я

не смотрел на Образ – всего лишь оставался рядом, изредка подымая глаза. Мне было достаточно просто быть в Его Присутствии. Как будто не краска сошла с доски, а наоборот, Христос заглядывает в небольшой проем, который Он Сам пробил в этот мир, и там, где сошло косное и давно умершее дерево, глаза в глаза можно повидаться с Богом.

Это прекрасно!

И очень страшно!

Я это понял, когда оказался в зале с иконописью XVII века. Многофигурные, красочные, утопающие в золоте и буйстве орнамента иконы, такие роскошные, что кружится голова. И они на самом деле красивы и праздничны. Но слепящая позолота и иконное многолюдство не только кричат о торжестве Православия, о богатстве и силе нашей веры, о нашей религиозной правоте. Этот восторг красок и фигур *прячет Христа*, Он просто утопает в этой «сладости церковной». Именно так я переживаю следы религиозного триумфа, которые остались в церковном искусстве.

Троицу – бессмертное творение Андрея Рублева, созданное в единстве простоты, святости и художественного гения, столетиями прятали под толстой золотой ризой, усыпанной драгоценными камнями, тяжелыми нимбами и цатами. И таких золотых окладов было несколько, так что сама икона смотрелась бедной сиротой, которую еще терпят из жалости и сочувствия ради очевидных заслуг дальних родственников.

С Христом трудно. Особенно один на один. Это глубина, на которую мы не заходим, потому что нескромно и дерзко, и отовсюду сочувственно кивают:

– Кто ты, а кто Христос! Понимать надо!

Но я открываю книгу Деяний апостолов и послания Павла, и они говорят совсем о другом: христиане – это люди, которые *живут Христом!* Не религией – она еще только оформлялась в апостольский век, – а Христом. Они с нетерпением ждали Его возвращения, жили Его Присутствием. Когда апостол Павел говорит, что крестившийся облекся во Христа, он ни капли не лукавит: не в религию облекались первые ученики, а во Христа, и правду этих слов они ощущали кожей! Главным молитвенным призывом весны христианства был апокалиптический возглас: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» Ученики звали Его, жаждали Его Явления и не хотели ничего знать, кроме Иисуса, и притом распятого!

А потом пришли более осторожные поколения христиан, которые всерьез призывают усилить молитвы, чтобы отсрочить день Его Пришествия, и этим людям мы должны сказать спасибо, потому что они хотя бы так напоминают об этом дне и Того, Кто обещал прийти.

Только совсем недавно в тюрьмах и ссылках томились христиане, у которых было отнято все – храм, богослужение, роскошные библиотеки и полнокровные хоры, высокие колокольни и многолюдные праздники – и они были рады чудом сохранившейся страничке из Евангелия, которую цело-

вали со слезами как великое утешение, как свидетельство Присутствия Того, Кого мы так усердно прячем и от Кого сами прячемся в уютном золоте религии. Эти нищие и голодные страдальцы в ссылках и тюрьмах заново открывали Христа и жили Его Присутствием, им так близко было ликование первых учеников, которые очень хорошо знали, что значит облечься во Христа, жить Христом, оставив все лишнее позади, отдав свое сердце и жизнь одному лишь Иисусу.

И вот Он – Спас из Звенигорода, который пришел, как призыв и пророчество.

Словно мы маленькие дети, которые отвлекаются на все пестрое и блестящее, и нашему незрелому вниманию нужна помощь и поддержка. Уж не сам ли Христос – Великий Девотодитель – обрушил всю эту позолоту, стряхнул массивный киот, опрокинул лампы, разбросал подсвечники и даже саму икону не пощадил, чтобы убрать все лишнее, все отвлекающее?

Чтобы наконец встретились мы лицом к лицу, глаза в глаза, без суеты и спешки.

Только Христос и я.

И тишина.

И молчание.

Назад к Иисусу!

Созерцание Христа – главное духовное упражнение Рождественского поста. Это так естественно и понятно, но в то же время невероятно сложно, в чем убедиться может каждый. Оказывается, в этом деле религия не помогает, а зачастую даже мешает. Все наши ритуалы, обряды, шествия, церковная эстетика и риторика существуют только для того, чтобы помочь этому созерцанию, но если мы будем честны перед собой, то согласимся, что неожиданно религия стала лучшим способом спрятать Христа и спрятаться от Христа.

– Вы хотите сказать, что ради Христа надо избавиться от религии?

– Ни в коем случае! Религия – это язык веры, язык, на котором мы говорим о Боге, а порой даже и с Богом. Призывать избавиться от религии – то же, что вырывать людям языки только потому, что кто-то соврал или может соврать.

Человек – существо религиозное, он живет в мире символов и значений, и некоторые из них настолько значительны, что больше любых слов и трактатов требуют порыва, жеста, движений, если хотите, танца. Только уж так устроен мир, что любая вещь в нем может портиться, и даже драгоценные царские одежды время от времени отдают в починку или просто проветривают. Так и Церковь каждый раз должна задавать себе вопрос, оставленный нам апостолом Павлом как

духовное упражнение:

«Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследуйте.

Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть» (2 Кор. 13: 5).

Рождественский пост – общецерковное духовное упражнение. Не просто моя личная гастрономическая история, а ревизия смыслов – богослужебных, богословских, канонических, моральных.

Кто для нас Христос?

Что в нашей религиозной стихии главное, а что второстепенное?

Есть ли место Христу в нашей жизни?

Христианское ли у нас Православие?

Или, повторяя апостола Павла, полезно усомниться: может, мы не те, кем должны быть? Христос действительно с нами и в нас? Мы в вере или в религии?

Такие вопросы требуют честности и прямых ответов. Но даже беглый взгляд на нашу церковную жизнь показывает, что Христос – Уважаемый Посторонний. Мы все Ему очень благодарны и готовы всякий раз подтверждать свою преданность, но есть насущные задачи и потребности, и Ему следовало бы войти в положение и понять, что тут люди делом заняты – соблюдают Устав, возрождают традиции, охраняют нравственность, поддерживают стабильность.

Мне рассказывали про одну старушку, которая забежала

в церковь, бухнулась на колени и закричала:

– Господи! Да скажи же Ты той Матроне, чтобы она меня исцелила!

Детская наивность? Святая простота? Нет, это своего рода «символ веры», исповедь народа, вопль честного сердца. Про Христа мы вспоминаем, когда уже совсем все плохо или такая путаница из-за вековых религиозных нагромождений, что и академикам не разобраться.

Ведь так и есть: вот мощи угодников, вот чудотворные иконы и целебные источники, вот поминают покойников и крестят деток – это все так понятно, и всему можно найти место, объяснение и отклик в сердце человека.

Только Христос всегда выпадает из схемы. Какой-то Он бесполезный, что ли, никуда Его не пристроишь в нашем религиозном хозяйстве.

Какие молитвы с удовольствием поют всем храмом? Кому служат молебны? С чего начинается день в святых обителях? Какие иконы украшают дома?

Если Православие есть правильное прославление, то самый важный гимн – «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» – уже давно не воспринимается церковным обществом как важнейшее из песнопений, он превратился в связку для тропарей, стихир, седальнов. А ведь все тропари и стихиры не более чем передышка во время пения этой древней молитвы. И что здесь главное, а что служебное?

Великое славословие на утрене за редким исключением

никогда не поет народ в церкви, даже и не подпевают. Начни петь древнейший гимн «Тебе Бога хвалим» – его никто не подхватит и мало кто разберет, что это такое, ведь самое главное уже совершилось – записки прочитаны, а народ окропили святой водой. Ангельское приветствие «Слава в вышних Богу» – это богооткровенное славословие – даже на Рождество поет только хор, как часть стихиры или необходимую приставку к шестопсалмию. А ведь это не просто рядовое песнопение, это богослужбное событие!

Круг годовых и недельных церковных служб выстроен так, что мы себе даже позволить не можем просто собраться ради Христа, чтобы посвятить свои молитвы и мысли только Ему. Но у нас есть Типикон, и там ясно сказано, что сегодня память мученика или преподобного, а ему положены тропари, каноны и чтения – и это занимает большую часть богослужбного времени. И так каждый день. Правда, есть исключение – Страстная и Светлая седмицы, но это только две недели в году!

Да, у нас есть литургия – это все о Нем! – но даже ее мы умудряемся перегрузить чем-то «полезным» и понятным. Каждый видел те горы частичек, которые вынимаются из просфор с именами живых и усопших, и для огромного числа верующих это и есть настоящее предназначение литургии, которым оправдывается ежедневное служение.

И как нам пробиться ко Христу через это «облако свидетелей», которые, кажется, должны на Него указывать и толь-

ко о Нем говорить, но давно уже заслонили собой Христа, оттеснили Его на безопасное расстояние?

Святые нам ближе и понятнее, иконы Богоматери отогревают сердца, но неужели не режет глаз это вопиющее уродство и искажение церковной жизни, когда Христос будто в почетной ссылке?

В середине XX века богословы услышали призыв: «назад к отцам!», и произошло открытие и переоткрытие святоотеческого наследия, и нашу жизнь обогатили и украсили тексты великих христианских мыслителей прошлого, мы научились их лучше понимать и слушать их мысль. Сегодня важно, очень важно понять именно нам, православным, всю остроту и значительность нового призыва: «назад к Иисусу!»

Это призыв к большому многолетнему труду, всецерковному усилию ради «очищения смыслов», актуальность которого доказывает уже то, что его необходимость приходится доказывать.

Похороны Евангелия

Спросили одного ученого:

– Какие духовные упражнения вы предпочитаете?

– Я подчеркиваю в книгах! – ответил профессор и тут же вызвал у меня симпатию и понимание. Потому что из всех духовных упражнений подчеркивать в книгах – мое любимое. Конечно, у меня множество блокнотов, тетрадок, карточек, но читать книгу без карандаша я уже просто не в состоянии. Подчеркнуть, выделить, сделать пометки на полях – это здорово помогает вниманию, это работа мысли, оставляющая физически различимый след, по которому можно пройтись снова и снова, как по руслу, пробитому потоком любопытства и восхищения, словом, когда рассудок с эмоциями заодно, дело непременно заканчивается «наскальными надписями».

Хороший навык, согласитесь. Однако эта привычка, как ни странно, мешала мне читать Евангелие. Церковь воспитывает особое благоговение к этой книге. В храме вы не увидите просто Евангелие, нет, это будет непременно книга в тяжелом окладе, часто с застежками и расшитой закладкой, которая всегда лежит на престоле – самом святом месте православного храма. Когда наступает момент чтения, книгу нельзя просто снять с престола, нет, – дьякон или священник дважды крестятся, целуют престол, крестятся в третий раз и

только потом берут Евангелие. Когда с ним выходят на амвон, впереди всегда несут свечу.

После чтения воскресного зачала на всенощной в субботу дьякон несет Евангелие к царским вратам и высоко держит его, пока мы поем «Воскресение Христово видевше», и лишь потом кладет на аналой в центре храма, чтобы можно было всем к нему приложиться, – в этот момент сама Книга символизирует Христа, а потому вызывает такое исключительное и очень понятное почтение.

Но порой возникает вопрос: Евангелие в церкви – для чтения или почитания? Потому что, мне кажется, мы временами увлекаемся, и религиозная форма незаметно отчуждается от духовного содержания.

Евангелие мы видим на исповеди, слушаем на крещении и венчании, монашеском постриге и отпевании, даже на освящении квартиры, однако для этих особых случаев и Евангелие используется особое. Я не говорю про текст, я говорю про книгу, которая из источника воды живой превращается в орнамент.

Ирина Одоевцева вспоминает, что среди почитателей поэзии Гумилева была его кухарка Паша, которая незаметно подкрадывалась послушать его чтение. Это удивляло Гумилева, который не мог поверить, что она там что-нибудь понимает, и он однажды спросил:

«– Нравится вам, Паша?»

Она застыдилась, опустила голову и прикрыла рот рукой:

– До чего уж нравится! Непонятно и чувствительно. Со всем как раньше в церкви бывало»¹.

Почему-то раз церковь, значит – непонятно и чувствительно. Да и как понять простому человеку евангельские славянизмы: «не сердце ли наю горя бе в наю» и «она же беста дряхла о словеси сем».

Дело в том, что Библия пришла к нашему народу несколько позже, чем Православие. Впервые полный текст Писания на славянском языке был издан в 1751 году – так называемая Елизаветинская Библия. Однако уже в год издания она стала библиографической редкостью. А появление Библии на русском языке приходится на конец XIX века – 1876 год. Конечно, можно спорить о доступности текста, о более ранних переводах, но все эти разговоры упираются в один еще более жуткий факт: согласно переписи Российской империи за 1897 год, почти восемьдесят процентов населения не умели читать и писать. И можно было издавать еще больше Библий и богословских трактатов, но темному люду от этого не становилось светлее.

Мать Мария (Скобцова) вспоминала, как однажды на одной из знаменитых сред в башне Вячеслава Иванова ее буквально пронзила мысль: мы здесь сидим всю ночь, читая в подлиннике Еврипида и разбирая тонкости поэзии французских символистов, а в это время большая часть русского народа не умеет даже читать!

¹ *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988. С. 67.

Однако именно эти безграмотные люди формировали церковное благочестие, расставляли акценты и определяли православный стиль жизни. В Белоруссии на молебнах, когда читают Евангелие, люди стараются подставить голову под Книгу, ведь не важно, *что* читают, о чем говорит этот текст, важно, что это – божественная книга, и если ее положить на голову больному ребенку, он перестанет плакать.

– Кланяйся, цалуй и спасесся! – так учила меня одна старушка.

Так Евангелие стало магическим орнаментом, и я пишу это, делая оговорку, потому что у меня вызывают глубокое уважение и сочувствие эти жесты народного благочестия, безошибочно опознающие подлинность и религиозную глубину. Но ведь религии и благоговения недостаточно. Евангелие *на* голове хорошо, когда есть Евангелие *в* голове. Священное Писание – не просто некий сакральный предмет, это книга, которую надо изучать и прорабатывать.

У нас ведь давно уже тотальная грамотность, что же мы продолжаем смотреть на Евангелие в церкви как на священную реликвию, даже не как на икону, а как на мощи давно умершего, но очень уважаемого и сильного подвижника?

Когда мне показывают подарочные Евангелия в дорогих переплетах и роскошных коробках, душа моя горит негодованием, ведь это издание не для чтения, а для интерьера, вы не будете с этой книгой работать, в лучшем случае вы поставите ее к иконам, как рекомендовал святитель Игнатий

(Брянчанинов), и уж совершенно точно вы не станете в ней подчеркивать.

Когда умирает священник или епископ, покойного облачают во все богослужебные одежды, закрывают лицо особым покрывалом, а в руки кладут крест и Евангелие. И слушайте дальше: *Евангелие хоронят вместе со священником!* Какое кощунство! Но в нем есть свой горький символизм.

Сегодня даже налажено производство особых церемониальных Евангелий. Например, когда рукополагают в епископы, ставленник должен купить особое издание Четвероевангелия, которое будет возложено ему на голову в момент хиротонии. В этом издании оставляются чистые страницы, где архиереи, участвующие в рукоположении, оставляют свои подписи. Это памятное Евангелие. Оно для памяти и лирических воспоминаний, не для чтения!

В древнем «Уставе святого Кортага», написанном в VII веке ирландскими подвижниками, есть такие пронзительные слова:

«Ничего не понимающий в Слове Божиим не сын, но пасынок Церкви.

Знай, что всякий не просвещенный Евангелием человек, не читающий Писание мирянин или клирик, – не истинный ученик и слуга Господа»².

Перечитайте этот отрывок еще и еще раз. Ведь это страшно: человек, который не знает Писания, не может считать

² Кельтское монашество. Уставы древнеирландской Церкви. Тверь, 2018. С. 83.

себя христианином! Не просто знать Писание – читать Писание, разуместь, то есть понимать, – вот что вводит религиозного человека в разряд сыновей и истинных учеников. Сколько же православных могут считать себя христианами в таком случае? И сколько их было за столетия всеобщей безграмотности? Позвольте мне не отвечать на эти грустные вопросы. Они задавались не для ответов, а для размышления.

Поэтому я зову читать и изучать Писание, даже ломая привычные формы благочестия, позволяя себе читать эту святую и божественную книгу с карандашом в руках.

Давайте подчеркивать в Евангелии! Давайте делать выписки, сравнивать переводы, осваивать древние языки, учить текст наизусть! Нам можно! Потому что мы не пасынки и квартиранты, а дети Божии и ученики Христа!

Праздник Введения: эхо грядущего Рождества

Праздник Введения считается двенадцатым, что, к сожалению, не делает его одним из почитаемых. Например, Покров Богородицы люди отмечают с большим рвением. Но поводов для ревности о чести праздника не должно быть, потому что оба торжества – в честь Богоматери, а Царицу Небесную у нас чтят достойно.

В своем пионерском детстве я неоднократно сталкивался с выражением «знающие люди», которое надо услышать по-белорусски, чтобы понять, о ком идет речь: «знаюшчыя людзи». Так называли у нас товарищей, понимающих в религии, и это не обязательно все те, кто ходят в церковь. Богомольцев много, «знаюшчых» – единицы. Именно на Введение я без труда могу отличить «знаюшчых» от простых прихожан, потому что обычный человек не знает одного большого и красивого секрета, который роднит праздник Введения с Рождеством Христовым.

Между Введением и Рождеством расстояние больше месяца. Однако именно на богослужении праздника Введения звучит первая весточка о грядущем ликовании Рождества Христова. Праздник еще впереди, а эхо его мы можем услышать уже сейчас, если, конечно, выберемся на введенскую

службу.

И вот я видел, как древние старушки с двумя палочками, ветхие старички и инвалиды напрягали последние силы, чтобы услышать это чудное, невероятно утешающее эхо Рождества.

Современная всенощная состоит из вечерни и утрени, которая начинается шестопсалмием и продолжается торжественным полиелеем с величанием, чтением Евангелия и елеопомазанием. Обычно, когда начинается помазание, народ в храме расслабляется, а многие даже уходят домой. Многие. Но не «знающчья людзи». Эти мудрые и опытные прихожане ждут чтение праздничного канона, который звучит как раз во время помазания. И вы бы видели лица этих людей, это предвкушение счастья, когда наступает момент пения катавасии.

«Катавасия» – слово неудобное и смешное, но довольно безобидное. Оно означает не более чем способ пения: так устав обозначает песнопение, которое поют оба хора, сходящиеся вместе. Катавасии поются после каждой песни канона, и таких песен – девять. На праздник Введения впервые в году звучат ирмосы канона Рождества Христова, и мои «знающчья» старички и старушки слишком понимают, что не все из них доживут до января, а потому с радостью на помолодевших лицах подпевают хору. И как же мне жалко, что большинство богомольцев ничего не знают об этом красивом секрете двух праздников и не могут разделить церков-

ную радость.

Четверть века назад я пел службу Введения в одном из хоров Троице-Сергиевой лавры. Никогда не забуду, как в трапезном храме легендарный регент отец Матфей (Мормыль) вдруг задал тон и начал дирижировать сразу двумя хорами, и мы запели те самые рождественские ирмосы:

Христос рождается, славите!
Христос с небес, срящите!
Христос на земли, возноситеся!
Пойте Господеви, вся земля!
И веселием воспойте, людие,
Яко прославися!

У меня до сих пор перед глазами лицо отца Матфея в лучах неудержимого ликования, какого-то детского озорства и твердой веры, что все будет хорошо!

Вот какие это ирмосы! Вот какой общий секрет у таких разных праздников!

Однако я сделаю оговорку, чтобы подчеркнуть, что знание «знающчых людзей» не ограничивалось осведомленностью о неких богослужебных нюансах. Ирмосы канона Рождества, как и все вообще ирмосы канонов утрени, есть парафраз библейских песен, без знания которых не совсем понятен смысл этих прекрасных текстов. А ценность их в том, что

они являются плодом и памятником богомыслия – созерцания Христа, то есть того самого духовного упражнения, которое и составляет самую суть Рождественского поста.

Девять песен канона – это поэтические отрывки из Библии, которые исполнялись за богослужением самостоятельно, но в какое-то время начали сопровождаться стихами поэтов-боголюбцев, например, таких, как Иоанн Дамаскин или Андрей Критский. Эти святые люди делились мыслями, которые рождались у них при чтении Писания, поэтому богослужебные песнопения не просто украшение, но образец работы ума и сердца человека, опытно пережившего Присутствие Христа. Вот почему эти произведения глупо воспринимать лишь как праздничную декорацию и образец византийского витийства. В них надо вчитаться и, если хотите, *впеться*, и большое счастье, если верующие не проходят мимо такого богослужебного события, а поют ирмосы Рождества всем храмом.

Славянский текст прекрасен, и чаще всего он исполняется на распев архимандрита Феофана. Но посмотрите на русский перевод. Мне он кажется более утешительным и бодрящим, особенно призыв воспрянуть:

Христос рождается – славьте!
Христос с небес – встречайте!
Христос на земле – воспряньте!
Пойте Господу, вся земля!

И с веселием воспойте, люди,
так как Он прославился!

Следующие песни не менее интересны, тем более что они написаны как осмысление ветхозаветных пророчеств о приходе на землю Мессии.

Вторая песнь традиционно пропускается.

Третья написана на основе молитвы Анны, матери пророка Самуила.

Четвертая – пророчество Аввакума и загадочное видение Исаии о корне Иесея.

Пятая – еще одно предсказание Исаии о Младенце, Который родится для нас.

Шестая написана в подражание благодарению пророка Ионы, избавленного от морского зверя, и начинается неожиданной аллюзией: «Из утробы Иону, *как младенца*, изверг морской зверь».

Седьмая и восьмая песни – благодарение отроков, избавленных от огненной печи.

Девятая является рождественским исключением, потому что изложена не в подражание песни святого Захарии, а представляет собой совершенно самостоятельный текст:

Таинство вижу необычное и великое:
пещера служит небом,

Дева – престолом херувимским,
ясли – вместилищем,
в котором возлежит невместимый Христос Бог,
Которого мы в песнях прославляем.

Это очень важный для нашего рождественского созерцания текст. Потому что через него мы угадываем ведущую эмоцию духовного созерцания – *удивление перед тайной Христа*.

Удивляться может только по-настоящему смиренный человек, потому что чем глубже ты проникаешь в тайны Христовы, тем меньше ты знаешь и на меньшее можешь претендовать.

Святые поэты-боговидцы, оставившие нам памятники своих прозрений, были именно такими смиренными и восторженными людьми, и для всякого, кто решится вступить на путь духовных упражнений Рождественского поста, это важнейший ориентир и образец для подражания. А для менее смелых – просто красота, ликование и самое светлое утешение.

Пением «Христос раждается» открывается время Рождества, и не страшно, если вы в этом году вдруг пропустили этот момент – в следующем году вы уж точно будете «знаюшчыми людзьми».

Разговор о Боге: без воды и елея

Дети живут в параллельном измерении. Это факт, с ним надо смириться. И нам, взрослым, не пробиться в этот мир, да и не стоит. Пусть внешне вам кажется, что вы знаете свое чадо и контролируете его жизнь. Не обольщайтесь! Единственный путь в мир детей – приглашение самого ребенка войти. Но даже с этим «входным билетом» вы все равно будете гостем и чужаком и никогда не станете по-настоящему своим. У детей свой мир, своя философия, своя мораль и, безусловно, свой особый язык. Вот почему так сражает и завораживает звучание наших «взрослых» слов в речи ребенка.

Однажды ко мне подбежал ученик воскресной школы с просьбой о помощи:

– Отец Савва! Она меня изводит!

Никак не ожидал от малыша услышать такой «взрослый» глагол – «изводит». Хорошо звучит. Красиво. Такое слово можно, как карамельку, перекатывать во рту, наслаждаясь оттенками вкуса. Но – семилетний мальчик! – не детский это словарь, заемное словечко!

– Что случилось?

– Мама... надо ей сказать... Она меня заставляет про Бога разговаривать. Сил моих нет! Совсем извела!

Вот вам и детская прозорливость: разговор о Боге может

изводить! Чистая душа не выдерживает такого богоугодного занятия, страдает, да так мучается, что паренек не нашел в своем лексиконе подходящего слова. Видно, ему и в самом деле пришлось несладко.

Почему я принял эту просьбу за знак высокого доверия? Потому что дети в церкви находятся под особым религиозным надзором, и всякое сопротивление благочестию может быть истолковано как признак богоборчества и даже одержимости. Дети это хорошо понимают, поэтому наиболее смысленные идут путем приспособления: подыгрывают умиляющимся родителям, порождая особый вид детского религиозного лицемерия.

Этот пристальный надзор за «неблагочестивыми» детьми хорошо чувствуют мамы, несущие деток на причастие. Не дай Бог ребенку закричать, заплакать или – о ужас! – оттолкнуть священника или лжицу. Немедленно будет собран консилиум наиболее осведомленных граждан с точным диагнозом того, «что у них там в семье делается», и подходящим рецептом. Лучший вариант из того, что мне приходилось слышать: раз буянит на причастии, значит, «сделано» или завистливый взгляд. Решение: посадить карапуза под церковный колокол – как рукой снимет!

Надо ли говорить, как я к этому отношусь? Спокойно отношусь. Каждый развлекается по-своему, и если это никому не вредит – пусть их!

Гораздо интереснее другой вопрос. Если это не беснова-

ние или колдовство, почему говорить о Боге – пытка? Независимо от того, разговаривает ребенок или взрослый, речь о Христе – тяжелейшее из занятий, и, действительно, бывает, что человек просто изводит и себя, и близких этим усилием.

Даже православные журналы и газеты уделяют Христу не так много внимания, как могло бы показаться. Исследуйте содержание церковных изданий: тут много о политике, общественной жизни, новости и хроника церковной жизни, благотворительность, наставления старцев, новейшие чудеса, церковный календарь и – куда без них! – рецепты монастырской кухни. Если и найдете что-нибудь о Христе, то в самом углу, потому что интуитивно все понимают, что это самое скучное.

Вот моя христианская юность. Только через два года активной церковной жизни я вдруг понял, что в церкви есть Христос. Конечно, я об этом знал и раньше, но знал как-то туманно, намеками, побыстрее отводя глаза и заговаривая о чем-то действительно интересном. Оказывается, кроме хорошего пения, роскошных служб, старцев, мучеников, батюшек и монахов, есть еще Кто-то, обнаруживающий Свое Присутствие, когда и где хочет. И что я о Нем знал? Как я себе Его представлял? Что о Нем говорил, что слышал?

Пытаюсь быть честным со своей памятью: кажется, о Христе я никогда и не разговаривал, и со мной о Нем мало кто говорил, и я понимаю почему: о Боге вообще говорить очень трудно. Но при всей любви к духовной книге я бы в руки не

взял текст с названием «Иисус Христос» или «Жизнь Спасителя», заранее уверенный, что это тоска зеленая. Как говорил один мой приятель: «Мы же не баптисты, чтобы про Христа разговаривать!»

А о чем еще говорить христианам, как не о Христе? Есть ли тема более приличная для мысли и высказывания? Если уж о Христе не говорить, тогда останется ли что-нибудь достойное речи?

Однако я не вижу в этом упорном молчании злого умысла. Здесь скорее совсем другое. Православные предпочитают молчать о Христе по двум причинам. Во-первых, как ни странно, эта немота происходит от благородного целомудрия речи о Христе, сознательного молчания о том, что хочется уберечь от фальши и подмены. Это хорошо чувствуют дети, особенно подростки. У них есть особая чувствительность к правде, и они органически не выносят любых ноток слащавости, елейности в речи о Самом Священном.

Целомудренный трепет перед самой последней и сокровенной святыней сердца лучше всего, как мне кажется, передал екатеринбургский поэт Борис Рыжий в стихотворении «Толстой плюс»:

Тот, умирая, с Богом говорил
словами, сохраненными для Бога.
И это были нежности слова,
слова любви,

прощения,
прощанья.
Не дай вам Бог произнести заранее,
из скуки,
эти важные слова.
Перед толпой – особенно.

Священное – синоним сокровенного, самого важного и значительного, а такие вещи не выносят на всеобщее обозрение. Мне иногда кажется, что люди умышленно надевают маску атеизма и даже богоборчества, чтобы защититься от чужих ледяных взглядов и холодных рук самое святое – Бога, которого они всю жизнь вынашивают в сердце. Как писал Михаил Пришвин: «Чтобы сказать о Боге, нужно... очень многое... Бога нужно прятать как можно глубже»³.

– Почему Бога нужно прятать? От кого Бога нужно прятать?

– От ложных образов, от того, что не есть Бог. И здесь вторая причина молчания о Христе: любое высказывание есть сопротивление инерции слов. А если ты пытаешься заговорить о Том, Кто есть Автор этого мира, а не его часть, это сопротивление неимоверно возрастает, и, как писал Пришвин, в том же отрывке: «Если говоришь о самом Боге, то никогда нельзя знать, о Нем ли говоришь».

³ Пришвин М.М. Ранний дневник. СПб., 2019. С. 28.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.